

Буква и дух

*Щедровицкий Д. В.,
теолог-библеист*

Эта книга благородна по своему замыслу: способствовать преодолению одного из самых чудовищных предрассудков — обвинения еврейского народа в «богоубийстве», в распятии Иисуса Христа. Названный предрассудок на протяжении почти двадцати столетий был главной опорой антисемитизма, вызывая преследования и гонения, провоцируя кровавые наветы и погромы, инспирируя убийства тысяч мирных людей в эпоху крестовых походов, зажигая костры инквизиции, из века в век вызывая ожесточение и растрavляя ненависть. Наконец, это обвинение сыграло далеко не последнюю роль в нацистском «окончательном решении еврейского вопроса» — Холокосте, унесшем жизни от 6 до 8 миллионов европейских евреев.

Действительно, какой извращенной, больной фантазией надо обладать, чтобы из евангельского описания небольшой толпы на одной из площадей Иерусалима — толпы, созданной корыстными саддукейскими священниками, чтобы кричать: «Распни его!» (Марк. 15, 11–14), сделать вывод о виновности всех евреев, где бы и когда бы они ни жили, в казни Иисуса!.. Ведь лишь ничтожная часть жителей Иерусалима собралась тогда на площади, — толпа, состоявшая из людей празднующихся, не занятых в преддверии Пасхи праздничными при-

готовлениями (Иоан. 19, 14). Гораздо большая часть жителей Иерусалима — «великое множество народа» — плакала, когда Иисуса вели на казнь (Лук. 23, 27), а весь народ, видевший казнь, в знак траура и скорби «возвращался, бия себя в грудь» (Лук. 23, 48).

Такое было отношение громадного большинства евреев к распятию Иисуса, над крестом которого римский прокуратор, в знак издевательства над ненавистными ему иудеями, велел начертать надпись: «Иисус Назорей, Царь Иудейский». Несмотря на протест иудейских священников, правитель настоял именно на таком написании (Иоан. 19, 19–22). Следует подчеркнуть, что если в самом Иерусалиме лишь незначительная часть жителей принимала участие в осуждении Иисуса, то иудеи других городов Святой земли вообще к этому процессу причастны не были. Притом миллионы иудеев жили уже в ту эпоху вне пределов своей страны — в Вавилонии, Египте, Малой Азии, Греции, Риме и т. д. О какой же вине с их стороны может идти речь?! И уже полнейшим абсурдом предстает обвинение подобного рода в адрес их потомков, включая самых отдаленных — живущих два тысячелетия (!) спустя после описанных событий. На столь изуверские, беспочвенные обвинения способны только люди без стыда и совести. И внести свою лепту в борьбу против этого кровавого навета — дело в высшей степени достойное и богоугодное.

Нелепость обвинений всех евреев в распятии Христа усугубляется происхождением самого Иисуса и его апостолов из среды еврейского народа, зарождением и первоначальным развитием христианства в недрах иудаизма — как одного из его ответвлений. Ведь иудаизм в ту эпоху был представлен множеством течений (самые известные из них — фарисеи, саддукеи, ессеи). Именно иерусалимский Храм являлся прибежищем первоначального иудеохристианства (Лук. 24, 52–53; Деян. 2, 46); апостолы были любимы всем народом иудейским

(Деян. 2, 46), и большое число евреев умилялось сердцем и раскаивалось в грехах, внимая их проповедям (Деян. 2, 41; 4, 4). Первые христианские моленные дома и религиозные собрания назывались синагогами (Иак. 2, 2: в греческом оригинале — «синагога», в Синодальном переводе — «собрание»), члены христианских общин были твердыми, неколебимыми «ревнителями Закона», т. е. Моисеевой Горы (Деян. 21, 20).

Известный немецкий философ первой половины XX века Л. Бек был совершенно прав, сказав об Иисусе следующее: «Иисус в каждой черте своего характера — еврей; такой человек, как он, мог вырасти только на еврейской почве, только там и нигде в другом месте. Иисус — истинно еврейская личность, все его стремления и действия, помыслы и чувства, речи и молчание — все несет на себе печать еврейства, еврейского идеализма, всего лучшего, что в еврействе было и есть, а тогда было только в еврействе. Он был еврей среди евреев. Ни из какого другого народа не мог бы произойти такой человек, ни в каком другом народе он не мог бы действовать, ни в каком другом народе он не нашел бы апостолов». Современный американский историк Дж. Кармайкл подчеркивает следующий неоспоримый факт: «...последователи Иисуса через целое поколение после его смерти горды тем, что они набожные евреи... Они даже не уклоняются от выполнения... церемониальных законов».

И еще более рельефно выделяется не только нелепость, но и преступность обвинения еврейского народа в распятии Иисуса на фоне его собственного учения о человеколюбии, милосердии, прощении врагов и любви к ним (Матф. 5, 44–48).

Но при всем том достоинства настоящей книги, ее возвышенная цель, благородные стремления ее автора сочетаются с опорой исключительно на «открытия»

и «доказательства» школы библейской критики, нацеленной на поиски корней христианского антисемитизма в самих новозаветных текстах. Последователями этой школы приводятся цитаты из новозаветных книг, якобы позволяющие возвести антиеврейские обвинения более поздних времен прямо к Иисусу и его апостолам (или к редакторам, приписавшим им данные изречения). Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что обличительные пророчества Иисуса и его учеников (например, Матф. 23, 13–39; Деян. 3, 4–15; 7, 51–53) направлены отнюдь не против еврейского народа в целом, а против недостойных представителей религиозной власти в Иудее — конкретных лицемеров из среды фарисейской элиты («книжники и фарисеи — лицемеры». — Матф. 23, 13 и далее), саддукейских «начальников народа» и их приспешников («начальники ваши». — Деян. 3, 17), членов саддукейского Синедриона («старейшины и книжники». — Деян. 6, 12). Библейский пророк (а именно пророками были Иисус и его ученики в своем общественном служении — см. Матф. 13, 57; 21, 11; Марк. 6, 15; Лук. 7, 16 и 39; 13, 33; 24, 19; Деян. 13, 1; I Кор. 14, 29; Откр. 22, 9) вообще не призван льстить своим слушателям, человекоугодничать. Одно из назначений пророка — суровое обличение своих современников в грехах, строгое предупреждение о тех карах, которые обрушатся на них свыше, если они будут упорствовать в нечестии (Иер. 1, 17–19). Следуя логике автора настоящей книги, надлежало бы обвинить в антисемитизме и пророков Ветхого Завета, смело обличавших недостойные дела своих современников. Например, Исаия обращается к сынам своего поколения с такими словами: «Увы, народ грешный, народ, обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева...» (Ис. 1, 4). Но ведь тот же пророк именуется Израиль в целом «доро-

гим», «многоценным» и «возлюбленным» в очах Господних (Ис. 43, 4; 44, 2)!..

Книги Нового Завета, конечно же, не содержат обвинений в адрес еврейского народа. Обличения касаются лишь нечестивых как из среды иудеев, так и из язычников: «Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, иудея, *потом* и эллина. Напротив, слава, и честь, и мир всякому, делающему доброе, во-первых, иудею, *потом* и эллину» (Римл. 2, 9–10). А те высказывания, которые в новозаветных писаниях относятся к народу Израиля в целом, не только исполнены доброжелательности, но и несут в себе осознание особой божественной тайны, связанной с этим народом, той высокой миссии, которая ему вверена. Сам Иисус, не отделяя себя от еврейского народа, говорил самарянке: «...мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от иудеев» (Иоан. 4, 22). Апостол Иаков, глава иерусалимской церкви, призывал двенадцать колен Израиля радоваться тому, что им дано преимущество возвещать и восхвалять имя Божие среди других народов (Иак. 1, 1). Апостол Павел именно о тех иудеях, которые отвергли Евангелие, специально говорил христианам из язычников: «В отношении к благовестию, они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные *Божии* ради отцов... Они теперь непослушны для помилования вас...» (Римл. 11, 28–31). Согласно этим словам выходит, что Бог по-прежнему любит евреев и даже противление части из них Евангелию использует во благо уверовавшим язычникам...

Итак, тексты Нового Завета не содержат никакого «антисемитского учения»; напротив, они всецело признают богоизбранность древнего народа Завета. Поэтому для опровержения антисемитских воззрений вполне достаточный и неоспоримый по своей авторитетности материал представляют тексты самого Священного Писания. И нет нужды сомневаться в их аутентичности,

ставить под вопрос их авторство, предполагать многочисленные переделки, вставки и т. п. Напротив, любые попытки отнять у писаний их высочайший, божественный авторитет лишают весомости аргументы, основанные на священных текстах.

Теперь рассмотрим вопрос о писаниях как таковой: имеют ли сомнения в их подлинности (а с этим тесно связана проблема инспирации свыше) реальные исторические основания? Этот вопрос — один из центральных в книге В. Фрикке, и от его разрешения зависит очень многое.

Сначала оценим позицию автора по отношению к текстам Священного Писания в целом. Здесь он, как мы сказали, целиком и полностью объявляет себя сторонником библейской критики. Скажем об этом направлении несколько слов.

Первыми, еще в достаточной степени «неоперенными» критиками содержания священных текстов стали некоторые антисемитски настроенные античные авторы, всячески старавшиеся опровергнуть библейское утверждение о завете Бога с еврейским народом, историю Исхода и т. п. Так, египетский жрец и историк Манефон (III век до н. э.) утверждал, что исход евреев из Египта в действительности был якобы «высылкой» из страны прокаженных, осуществленной по директиве одного из фараонов. Другой египтянин — александрийский литератор и антисемитский агитатор Апион, живший в I веке до н. э., — был, несомненно, знаком, хотя бы в общих чертах, с содержанием Торы (переведенной на греческий язык еще в III веке до н. э.). И, тем не менее, он распространял «сведения» о поклонении в иерусалимском Храме «изображению осла», «каннибализме» иудеев и т. п.

Следующий период расцвета библейской критики — II–III века н. э., когда, в связи с растущим распростра-

нением христианства в Римской империи, защитники язычества были вынуждены знакомиться с источниками новой веры для их критики. Крупнейшим таким исследователем был Цельс (II век) — автор «Правдивого слова», направленного против христианства. Он, помимо прочего, утверждал, что повествования Библии являются «переделкой греческих мифов», причем авторство Моисея по отношению к Пятикнижию Цельс пытался оспорить. Новозаветные же тексты, по его мнению, много раз «переделывались и дополнялись», якобы исходя из демагогических и политических выгод своих «составителей».

Особого же расцвета библейская критика достигла в XVIII–XX веках, прежде всего в Германии. За три века своего развития она породила множество школ, противоречащих друг другу в самих основах подхода к тексту Писания. Здесь и «гипотеза источников», приверженцы которой (Астриук в середине XVIII века и др.) полагали, что Моисей при составлении Пятикнижия пользовался двумя или более «древними источниками»; и «гипотеза фрагментов» (Ильген, конец XVIII века), умножившая количество этих «источников» чуть ли не до двух десятков; и «гипотеза дополнений» (Геддес, Фатер, конец XVIII — начало XIX века), исходящая из того, что тексты Писания подвергались многочисленным «вставкам». Причем о количестве, качестве, времени, месте, авторстве и редактуре всех этих «источников», «фрагментов» и «вставок» разные критики, яростно опровергая друг друга, имели совершенно несхожие и несовместимые мнения. В начале XX века возникла идея о том, что существованию священных книг в письменном виде предшествовало долгое «устное бытование» их содержания (Эйхгорн, Гункель, фон Рад и др.). И вновь о «циклах» этих «устных преданий», их происхождении, связях между собой, времени возникновения и длитель-

ности бытования складывались самые разноречивые гипотезы.

Надо сказать, что и сторонники диаметрально противоположного направления, а именно теологи, историки и литературоведы, придерживающиеся традиционных взглядов на авторство и условия появления библейских книг, не сидели все это время сложа руки. Каждое очередное выступление критиков вызывало отпор традиционалистов, не только интуитивно чувствовавших, но и рационально доказывавших правильность иудейских и христианских воззрений на священные книги. Критикам вменялись в вину не только их взаимные противоречия, но и «врожденная» глухота к поэтическому строю Писания — его образно-музыкально-семантической основе. Подчеркивалась «фрагментарность мышления» самих критиков, «разорванность восприятия», заставляющая их бесконечно расчленять единый по замыслу и исполнению текст на «кочки и обрывки». Против «критиков» уже в XIX веке начала работать археология: все новые находки в Святой земле, Месопотамии, Сирии, Египте, Малой Азии и других местах подтверждали именно сообщения Библии, а не теории «критиков». Наконец, открытие древнейших библейских рукописей Кумрана в середине XX века нанесло смертельный удар по целому ряду теорий, так как неоспоримо засвидетельствовало изначальность и аутентичность тех текстов Писания, которые сохранились с древних времен до наших дней...

Следует подчеркнуть, что одним из основных интеллектуально-психологических источников библейской критики (если не главным) является неверие в библейские пророчества, сопровождаемое попыткой всякий раз доказать, что исторические события предсказаны «задним числом», уже после их завершения, — а значит, и тексты, содержащие пророчества, «составлены» позже традиционного времени их написания. Ведь альтерна-

тивная точка зрения приводит к выводам, что пророчества — истинны, Библия — права, Всевышний не только существует (что отрицали отнюдь не все критики), но принимает непосредственное участие в истории человечества!.. Так, например, одной из истинных причин отнесения «окончательной редакции» Пятикнижия к позднему, «послепленным» (имеется в виду вавилонский плен иудеев в VI веке до н. э.) временам являются содержащиеся в нем пророчества о рассеянии еврейского народа и последующем возвращении в Святую землю (Лев. 26, 33; Втор. 28, 64; 30, 3). Приурочивание Книги Даниила ко II веку до н. э. обусловлено ее пророчествами, явно относящимися к последовательной смене мировых империй — Вавилонской, Персидской, Греческой, Римской (Дан. 7, 8), о чем без вдохновения свыше не мог знать человек, живший в VI веке до н. э. При этом предсказания, относящиеся к Риму (Дан. 7, 23; 8, 9–12) и говорящие о разрушении Второго Храма (70 г. н. э.), критики, вопреки очевидному смыслу текста, относили к осквернению Храма Антиохом Епифаном (II век до н. э.). Ведь признать, что Книга Даниила была «составлена» в I веке н. э., было невозможно — на нее ссылаются авторы I века (например, Иосиф Флавий).

Что касается «критической хронологии» составления евангелий, которой следует В. Фрикке, то одним из главных аргументов «поздней датировки» служит наличие в синоптических текстах предсказаний о разрушении Иерусалима и новом рассеянии иудеев (Матф. 24, 1–2 и 15–21; Марк. 13, 14–19; Лук. 21, 20–24), чего, по мнению критиков, Иисус знать и предсказать заранее «не мог»...

Разумеется, подобного рода аргументы совершенно неприемлемы для людей верующих, признающих прямое воздействие Духа Святого как на пророков Ветхого, так и на апостолов Нового Завета (II Петр. 1, 19–21).

И уж, конечно, невозможно ставить под сомнение всеобъемлющее знание будущего самим Иисусом Христом.

Подчеркнем, что посягательство на истинность книг Священного Писания, сомнения в инспирации их свыше, объявление их всецело «делом рук человеческих» (да еще и многократно «подправлявшимся» на протяжении веков) — все это, будь оно производимо с умыслом или без него, — направлено на разрушение веры. Ибо если мы не имеем авторитетных, богодухновенных писаний, засвидетельствованных традициями Синагоги и Церкви, то оказываемся лишенными письменного изложения Слова Божьего. На чем же тогда основывается наша вера (это относится к любому направлению иудаизма или христианства)? Однако, В. Фрикке утверждает, что его исследование евангелий не посягает на основы веры, не грозит ей разрушением или даже ослаблением: «Христианам, которым мои аргументы покажутся убедительными, не придется отказываться от центральной идеи христианства, заключающейся в том, что Иисус из Назарета — умерший и воскресший Христос». Увы, мы не можем в этом согласиться с автором. Сама «центральная идея христианства» о смерти и воскресении Мессии требует прежде всего знания о том, какое содержание вкладывал иудаизм в понятие Мессии в дохристианскую эпоху. А следовательно, для уразумения самой сущности христианства необходимо вникнуть в сущность ветхозаветных событий и пророчеств. Для того чтобы признать в Иисусе истинного Мессию (Христа), верующий должен убедиться в том, что в жизни, смерти, воскресении Иисуса исполнились предсказания предшествующих пророков, записанные в Библии. Ставя под сомнение, а тем более отрицая истинность самих пророчеств, принадлежность их тем лицам, к которым относит их традиция, считая, что пророчества многократно переделывались, дополнялись и т. п., невозможно с верою применить их к Иисусу,

а следовательно, и доказать, что он Христос. Точно так же, отрицая точность и аутентичность евангельских повествований, считая их компилятивными, составленными много позже описываемых событий и притом людьми, не бывшими свидетелями сообщаемых фактов (обратим внимание на собственные свидетельства апостолов как «очевидцев величия» Мессии — I Петр. 5, 1; II Петр. 1, 16; I Иоан. 1, 1–3), нельзя сохранить и ту «центральную идею христианства», о которой упоминает В. Фрикке.

К этому стоит добавить, что к важнейшим элементам христианства относятся не только смерть и воскресение Иисуса, но и его учение, а также тот пример исполнения воли Божьей, который он явил всей своей жизнью. Апостолы призывают верующих именно «вникать в учение» Иисуса и «не преступать его» (II Иоан. 1, 9; I Тим. 4, 16), да и сам воскресший Иисус посылает учеников с наставлением: «...научите все народы... уча их соблюдать все, что я повелел вам...» (Матф. 28, 19–20). Известны также направления христианства, отрицающие физическое воскресение Иисуса (ряд ранних гностиков, духоборы, толстовцы и др.), но провозглашающие подлинно спасительным и обязательным его учение — и, тем самым, остающиеся внутри христианства. Но как можно получить знание подлинного учения Иисуса, а тем более следовать ему, если дошедшие до нас тексты евангелий объявить «недостойными доверия»? Где и как провести грань между «собственными словами» Иисуса — и «приписанными ему» в политических, идеологических и иных целях высказываниями?.. Из всего этого с несомненностью явствует губительность «критической библеистики» для живой веры, ее враждебность самим основам Евангелия.

И уверения В. Фрикке, что его книгу «следует рассматривать... не с теологической точки зрения, а с юридическо-исторической», в свою очередь, не вполне вы-

держивают критику. Дело в том, что для многих людей неверующих или безразличных к исторической достоверности книг Нового Завета доказательства нашего автора также не имеют цены. Если они и разделяют воззрения юдофобов, то не на основании интерпретации евангельских текстов в духе антисемитизма, — и в этом случае В. Фрикке просто «стреляет мимо цели». Ведь для антисемита — атеиста или нехристианина довод о «распятии Христа» служит лишь погромным лозунгом (или символом якобы «всеобщей испорченности» евреев, их мнимой «враждебности прочим народам»), и такой человек просто не станет прислушиваться к аргументам нашего автора. Что же касается христиан-антисемитов или верующих, зараженных неприязнью к евреям, то они скорее всего просто не примут аргументации, основанной на критике первоисточника их веры — Евангелия; наоборот, подобную критику они могут счесть очередными «происками иудеев и масонов», посягающих на основы христианской веры...

Разумеется, сказанное относится далеко не ко всем представителям верующих или неверующих перечисленных категорий. На некоторых из них доводы, приводимые В. Фрикке, все же смогут оказать определенное воздействие. При этом следует подчеркнуть и значимость книги для всех интересующихся историей раннего христианства, независимо от их религиозных убеждений. Ведь многие рассуждения В. Фрикке, особенно относящиеся к истории и быту Иудеи начала нашей эры, к культурной жизни Рима и его провинций, к судопроизводству как Иудеи, так и Римской империи (здесь заметен профессиональный подход опытного юриста), принесут читателям большую пользу и побудят их уточнить, а то и кардинально пересмотреть свои взгляды, связанные с восприятием целого ряда мест новозаветных книг. Несмотря на нерелигиозный подход автора к проблематике евангелий, он, как человек литера-

турно одаренный и разбирающийся в историческом материале, делает образы Иисуса, его учеников и других окружавших его людей ближе и понятнее читателю. При этом важно, что В. Фрикке цитирует целый ряд исследований, посвященных этой теме, не переведенных на русский язык; узнать, хотя бы в общих чертах, о взглядах данных авторов читатель, не владеющий соответствующими иностранными языками, может только по книге В. Фрикке. Так что в целом знакомство русскоязычных читателей с его книгой, несомненно, сыграет позитивную роль, расширяя их представления о первоначальном христианстве. Это верно как с точки зрения знакомства со многими сторонами жизни иудеев и иудеохристиан первой трети I века н. э., так и в смысле «доказательства от противного» — пробуждения у верующих нового интереса к священным книгам путем их критики; ведь люди, заинтересованные в защите евангельских свидетельств, станут искать новые доказательства их истинности.

Полезность данной книги в деле борьбы с национализмом, расизмом, антисемитизмом, религиозным фанатизмом совершенно очевидна. Ибо ко всем, кто способствует установлению мира между людьми, народами, религиями, относятся слова Спасителя: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Матф. 5, 9).

Зададим себе в связи со сказанным еще один вопрос: что важнее, с точки зрения Евангелия, — следовать заповеди о любви к ближнему или отстаивать аутентичность самих евангельских книг? Ответ может быть только один: нет ничего выше заповеди о любви к Создателю и к человеку, и потому отстаивание права на жизнь и достоинство отдельных людей и целых народов — несравненно выше и несказанно значительнее защиты учения о богодухновенности книг Нового Завета и их неповрежденности. С этой точки зрения отрицание то-

го, что Иисуса «распяли евреи», основанное на выводах библейской критики, достойно всяческого поощрения. Поэтому если «по букве» отдельные утверждения В. Фрикке представляются спорными, то «дух» его книги — истинно евангельский: это дух любви и милосердия, дух оправдания и защиты невинных.

И все же, с нашей точки зрения, действительно противостоять всякой враждотворности в роде человеческом, в том числе и ненависти к евреям, нареченным в Писании «народом Господним» (Суд. 5, 11), можно только на основе твердой веры в истинность и незыблемость Библии — Книги Божьей, предрекающей человечеству блаженное будущее всеобщего примирения, процветания и духовного роста: «И пойдут многие народы, и скажут: придите и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас своим путям, и будем ходить по стезям Его; ибо от Сиона выйдет Закон и слово Господне — из Иерусалима. И будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала и копья свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис. 2, 3–4).

Будем надеяться, что свою лепту в примирение отдельных людей и целых народов внесет и эта искренняя, доброжелательная и чрезвычайно информативная книга В. Фрикке.